

Машина внезапно остановилась. Хэ Ицзянь открыл глаза и увидел, что они застряли на эстакаде. Вокруг раздавались звуки клаксонов.

Ту Муюань вдруг отстегнул ремень безопасности, наклонился и, схватив Хэ Ицзяня за подбородок, поцеловал его.

Хэ Ицзянь стал вертеть головой, пытаясь оттолкнуть Ту Муюаня, но тот действовал слишком решительно. Губы Хэ Ицзяня были прикушены, но ему все равно не удалось открыть рот.

— Нельзя, я сегодня утром не чистил зубы.

Он продолжал сопротивляться, но взгляд Ту Муюаня был настолько горячим, что, казалось, мог прожечь дыру.

Всего через несколько секунд Ту Муюань схватил руку Хэ Ицзяня, прижал его к сиденью и с еще большей настойчивостью поцеловал.

Этот поцелуй не имел ничего общего с романтикой. Хэ Ицзянь до конца держал зубы сжатыми, не позволяя ему углубиться.

Ту Муюань уже навис над ним, и мужчина в соседней машине смотрел на них, словно увидел привидение.

— У меня температура, не целуй меня, я не хочу тебя заразить!

Хэ Ицзянь быстро выдавил из себя фразу, но Ту Муюань, воспользовавшись моментом, когда он открыл рот, прикрыл его губы своим и просунул язык в его рот.

Хэ Ицзянь почувствовал незнакомую теплоту и влажность. Язык Ту Муюаня скользил по его зубам и внутренней поверхности рта, преследуя его собственный язык.

Как тепло...

Неожиданно Хэ Ицзяню захотелось плакать.

Он расслабился, слегка обнял Ту Муюаня за талию и позволил ему целовать себя, а затем сам начал страстно отвечать на поцелуй.

Сердце не забилось быстрее, но он почувствовал удовлетворение и безопасность от того, что наконец обнял теплое тело.

Он жадно впитывал тепло Ту Муюаня, словно хотел раствориться в его коже.

Они целовались долго, прежде чем разъединились. Хэ Ицзянь обнаружил, что его лицо мокро от слез, а в глазах Ту Муюаня читалась какая-то болезненная эмоция.

— Переезжай ко мне.

Ту Муюань посмотрел на него и неожиданно произнес это.

Хэ Ицзянь смотрел на него в растерянности, вытер глаза и отвернулся.

— Машина поехала.

Услышав это, Ту Муюань с разочарованием опустил веки. Он вернулся на свое место, снова пристегнулся и завел двигатель.

Хэ Ицзянь был в замешательстве от этих слов. Он инстинктивно сопротивлялся, но уже в следующую секунду пожалел об этом.

Он не хотел причинять боль Ту Муюаню, но уже начал это делать.

Он не хотел жить с Ту Муюанем, но явно нуждался в нем.

Наконец осознав это, он снова посмотрел на того, кто сидел за рулем, и увидел, что его лицо было настолько холодным, что к нему страшно было приближаться.

В конце концов, Ту Муюань отвез его обратно в общежитие.

Ту Муюань вошел внутрь и увидел пол, усыпанный окурками.

Хэ Ицзянь вдохнул с ужасом, отступил на два шага и почувствовал, как внутри все сжалось.

Ту Муюань просто постоял некоторое время, а затем взял веник, собрал окурки и пепел в кучу и выбросил их в мусорное ведро.

Он молча начал собирать свои вещи, похоже, готовясь к переезду.

Но они уже закончили учебу, и уход из общежития был лишь вопросом времени.

Хэ Ицзянь сидел на кровати и смотрел, как Ту Муюань собирает вещи, выбрасывает ненужное, упаковывает необходимое, пока не осталось всего два чемодана.

— Я больше сюда не вернусь. — Ту Муюань стоял с чемоданами в руках, глядя на Хэ Ицзяня с пустой кровати.

Хэ Ицзянь почувствовал, как сердце сжалось, и вдруг осознал, что потерял что-то важное.

— Тогда что мы теперь? — Хэ Ицзянь поднял на него глаза, весь в уличной пыли, с взглядом, словно усыпанным осколками стекла, острыми и хаотичными.

Ту Муюань усмехнулся:

— Я влюблен в тебя, но это не имеет к тебе отношения.

— Лао Ту, когда ты так говоришь... мне очень больно.

Сложные эмоции внутри Хэ Ицзяня разрывали его на части, но он мог выразить лишь малую толику своих чувств.

— Но мне еще больнее, разве нет?

Ту Муюань опустил чемоданы и присел перед Хэ Ицзянем. Он с трудом опустил веки, и в его голосе появился сдавленный плач.

— Это я слишком вмешался в твою жизнь. — Ту Муюань посмотрел на него, и в его глазах была такая боль, что Хэ Ицзянь замер, перестав дышать.

— Я думал, что, если ты станешь зависеть от меня, ты полюбишь меня. Но любовь и зависимость — это разные вещи, правда?.. Я очень переживаю за тебя. Ты совершенно не следишь за собой, и если вдруг снова заболеешь, окажешься без места, с севшим телефоном, и не сможешь связаться с семьей... что ты будешь делать?.

Его голос становился все более растерянным, и эта слабость заставила Хэ Ицзяня почувствовать боль.

— Пожалуйста, сначала научись заботиться о себе, а потом уже люби кого-то другого... — Ту Муюань почти умолял его. Хэ Ицзянь моргнул, его пальцы застыли в воздухе, пытаясь прикоснуться к нему, но так и не решившись.

Он спустился с кровати на колени и обнял Ту Муюаня.

— Прости, что заставил тебя волноваться, ладно? Я больше так не буду, хорошо, Муму, прости, я был неправ.

— Как ты мог курить? И так много? — Ту Муюань снял очки, отвернулся и изо всех сил пытался сдержать свои уже сломленные эмоции.

— Да, я больше не буду курить, правда, ни одной сигареты, жена, я был неправ, прости, малыш, у меня была только одна пачка, я выкурил ее, и больше нет.

Хэ Ицзянь обнял Ту Муюаня за талию, льстиво и нагло извиняясь перед ним. Ту Муюань несколько раз попытался оттолкнуть его, но безуспешно.

— Хэ Ицзянь, я действительно не знаю, что с тобой делать.

— Я знаю.

— Поэтому иногда мои действия или выборы могут не привести тебя к лучшему. Я могу быть слишком мягким и позволять тебе все.

— ...

— В такие моменты тебе придется держать себя в руках самому.

В глазах Ту Муюаня все еще была дымка слез. С какой-то невыразимой печалью он сжал глаза, пытаясь сдержать слезы, которые уже подступали к краю.

— Ты знаешь? Я очень беспокоюсь за тебя. В последние полгода ты выглядишь странно, тебя ничего не интересует, ты совсем не похож на того, кого я знал раньше... Почему ты стал таким?

Хэ Ицзянь замер, но уже через мгновение снова пришел в себя.

— Нет, все не так. — Он небрежно провел рукой по волосам, затем потер нос костяшкой пальца и, глупо улыбнувшись, повысил голос:

— Наверное... я просто стал более спокойным.

Некоторые вещи Ту Муюань никогда не поймет. Те полгода, о которых он говорил, скорее всего, были временем после его перерождения.

Хэ Ицзянь чувствовал отчаяние от своей жизни. Вся репутация, слава, статус и достижения, которые он с таким трудом построил за всю жизнь, исчезли в одно мгновение.

Он действительно был усталым, настолько усталым, что даже мысль о повторении всего вызывала у него физическое отвращение.

Но Ту Муюань никогда об этом не узнает.

Хэ Ицзянь смотрел на Ту Муюаня, который так за него переживал, и вдруг почувствовал, что настроение немного улучшилось. Он искренне ощутил тепло.

— Я потерял многое, но я ценю твои чувства ко мне. Я не хочу притворяться, я хочу быть с тобой честным.

Он положил подбородок на плечо Ту Муюаня, вдыхая запах его воротника и кожи, и слегка опустил тяжелые веки.

— Обещай мне, что никогда не оставишь меня.

Ту Муюань обнял его, и его голос звучал хрипло.

— Ты знаешь? Я видел, как ты играешь на пианино... Ты сильно изменился за эти годы.

Хэ Ицзянь поднял глаза, и, услышав о пианино, его взгляд стал расфокусированным.

— Ты видел, как я играю?

— Да... Я хочу понять, что тебя беспокоит. Я действительно хочу помочь.

Хэ Ицзянь задумался на мгновение, его пальцы бесцельно скользили по одежде Ту Муюаня, повторяя линии его мышц.

— Я все еще играю, в одном ресторане. Завтра я приглашаю тебя туда на ужин, как насчет этого?

— Ты знаешь, что я имею в виду не это.

— Малыш, тогда что ты имеешь в виду? Я не понимаю. — Хэ Ицзянь потерся ухом о его шею, нежно поглаживая кожу.

<http://bllate.org/book/16697/1533224>